

Ника Соболева

Право на одиночество

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Соболева, Ника.

С 54 Право на одиночество / Ника Соболева. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (*Звезда Рунета*).
ISBN 978-5-17-099890-6.

Наталья — одинокая трудолюбивая пчелка, живущая в тишине опустевшей квартиры с кошкой Алисой. Она бежит на работу в издательство «Радуга», окунается в издательские дела с головой, лишь бы забиться и не вспоминать о смерти родителей.

Но размеренная жизнь заканчивается с приходом на работу нового главного редактора Максима Громова, первое впечатление о котором нельзя назвать приятным. И все благодаря слухам, распускаемым невзлюбившими Наталью коллегами, они готовы ставить палки в колеса и всячески ее подставлять, только бы ее уволили или заставить уйти саму...

Готова ли Наталья открыть сердце своим близким? Сможет ли решить, кто ей Антон — лучший друг или все еще первая любовь? Сможет ли противостоять обаянию Максима, который так внимателен к ней и добр?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

12+

Звезда Рунета

Ника Соболева

Право на одиночество

Менеджер проекта *В. Кольцова*

Ответственный редактор *К. Секачева*

Корректор *Т. Кузьменко*

Литературный редактор *П. Лебедева*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Дизайн обложки *Е. Климова*

Верстка *А. Грених*

Подписано в печать 25.10.2016.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

ISBN 978-5-17-099890-6.

© Ника Соболева, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Каждое утро я ловлю рассвет. Я ставлю будильник на то время, когда встает солнце. Просыпаюсь, беру фотоаппарат и фотографирую вид за окном.

Я делаю так уже три года — с тех пор, как умерли мои родители. То ноябрьское утро — первое мое утро без них — было необычайно ярким. Я больше не припомню ни одного такого же яркого ноябрьского утра. Они все были, как на подбор, серыми.

В то утро я встала пустая. Раздвинула шторы — а там все было кроваво-красным. С фиолетовым отливом к земле. Я взяла фотоаппарат со стола и щелкнула.

И с тех пор это стало традицией. Я коллекционирую каждый рассвет.

В любой день недели, в пять утра, собака моих соседей начинает громко гавкать. Ей абсолютно безразлично, какой сегодня день — понедельник там или воскресенье. Ее пытались отучить от этой привычки, но так и не смогли.

Потом Павел Семенович со своим Бобиком (так я мысленно называю этого пса, хотя на самом деле его зовут Бонифаций, коротко — Бони) оглушительно хлопаяют входной дверью, топают по лестнице и идут гулять. В это время я обычно еще валяюсь в постели. Мне на грудь вспрыгивает Алиса — моя кошка — и начинает тереться мордочкой о мою щеку. Потом убегает на кухню, оглядываясь на меня.

Гавканье Бобика служит Алисе сигналом, что пора завтракать. И от этого я тоже не могу ее отучить. Впрочем, я и не пыталась.

И сегодня все начиналось точно так же. Гавканье Бобика, потом когти Алисы. Я сфотографировала рассвет — ничего особенного, обычный мартовский рассвет — и вновь легла спать.

Сплю я плохо. Я пробовала пить успокоительное, но от него только в туалет начала бегать, а сон лучше не стал.

Когда мне начинают сниться цветы, я понимаю, что пора вставать. Уж лучше видеть во сне какого-нибудь гигантского спрута, чем цветы, — так я считаю. Все эти розы, красные гвоздики, лилии...

Так уж получилось, что мне никогда не дарили цветов. Никогда — до смерти моих родителей.

Многие из моих знакомых любят повторять «Я — человек самостоятельный». Я тоже так говорила когда-то. А потом вдруг обнаружила, что холодильник у нас не самонаполняющийся, и в него надо покупать продукты. Которые портятся, если их вовремя не съешь. А еще можно купить колбасу, но забыть купить хлеб... И такое тоже бывало. В самом начале моей одинокой жизни я никак не могла понять, сколько мне нужно колбасы, сколько — хлеба, молока и так далее.

Раньше можно было бросить: «Ой, я на работу опаздываю, ты помой за меня посуду», — и убежать. Или: «Свари мне, пожалуйста, кофе, пока я моюсь».

Но это все ерунда... По сравнению с тишиной, которая иногда воцаряется в моей квартире.

Я терпеть не могла папиного пения в ванной. Я тогда говорила, что, заслышав папин голос, даже мухи дохнут от ужаса прямо в полете. А сейчас я бы все отдала за возможность еще хоть раз услышать это устрашающее пение.

Впрочем, это все пустое.

Завтраки у меня бывают трех видов. Завтрак первый — «совсем хреново». Состоит из чая (или кофе — это когда уж совсем-е-е-ем хреново). Завтрак второй — «жить можно». Состоит из чая и бутерброда. И завтрак третий — «нормально», самый редкий из всех. Состоит из чая, бутерброда и йогурта.

Понятия «хорошо» в моем лексиконе не существует.

А вообще, я завидую Алисе — для нее все завтраки совершенно одинаковые. Конечно, за исключением тех дней, когда я забываю купить кошачий корм и Алисе приходится довольствоваться сметаной. Ее недовольное мяуканье преследует меня потом в мыслях весь день.

Сегодня я, пожалуй, могла сказать «нормально». Мне не снились цветы, и на душе не лежал камень.

Я подошла к календарю и оторвала очередной листок. На календаре была дата: 8 марта.

Я улыбнулась. Самый нелюбимый папин праздник. Каждый год он ворчал, что в праздник должно быть что

праздновать — например, День Победы или день рождения. А тут — непонятно что, какой-то международный женский день! А мама смеялась:

— Ну должен же быть хоть один день в году, когда женщина имеет законное право не заниматься готовкой!

И тем не менее, она всегда готовила в этот день.

В принципе, 8 марта никто не работает. Но этот год был исключением для нашей конторы. Две недели назад умер главный редактор, и издательство «Радуга» будто осиротело.

Есть люди, работу которых как-то не замечаешь. Кажется, есть этот человек, и ладно, а если его не будет, то ничего не изменится. А оказалось, не тут-то было — система катастрофически разваливалась, никто не работал, все только пили чай и вспоминали Михаила Юрьевича.

Я, как никто другой, понимала, что так и будет — ведь я была его помощником. И все эти годы видела, как много держится именно на нем.

Две недели начальство решало, что делать с освободившейся должностью. Кого назначить на место человека, руководившего редакцией, одним из самых важных отделов в структуре издательства, пятнадцать лет?

Сегодня должен был прийти новый главный редактор. И я искренне надеялась на то, что сработаюсь с этим человеком, потому что менять работу — это было последнее, чего я хотела.

Мне было девятнадцать, когда я пришла в «Радугу». Помню, лето было очень жарким, и с самого его начала я тщетно искала работу. Меня никуда не хотели брать, мотивируя это отсутствием опыта.

Но я не отчаивалась и продолжала искать. Деньги были очень нужны, и поэтому я устроилась подработать в одну косметическую фирму, принимала заказы и возила их по клиентам. Денег такая работа приносила немного, но это было лучше, чем совсем ничего.

Я очень хорошо помню день, когда мне позвонила Вика, прежний помощник Михаила Юрьевича, и предложила работу. Она уходила в декрет и искала себе замену.

Третий день шел дождь, пахло сырой землей, размокшими листьями, осенью. Была середина августа. Я примчалась домой с огромными сумками, полными духов, шампуней, гелей для душа, помад и теней, поставила эти сумки на пол, вздохнула и зло подумала: «Нет, больше я никогда не поеду за этой гребаной косметикой! Все, хватит с меня!»

Я с раздражением откинула прядь мокрых волос с лица, и тут зазвонил телефон.

— Наталья Владимировна? — прозвучал в трубке прохладный женский голос.

Я хотела сказать «Вы ошиблись номером», как вдруг вспомнила, что Наталья Владимировна — это я.

Меня впервые назвали по отчеству.

— Да?

— Здравствуйте, меня зовут Виктория, я работаю в издательстве «Радуга» помощником главного редактора. Так уж случилось, что в настоящее время я вынуждена уйти и ищу себе замену. Я наткнулась на ваше резюме в нашей почте. Скажите, вам все еще нужна работа?

От удивления я села на пол. Мне звонят с предложением работы! Боже.

— Да-да, очень! — вырвалось у меня.

— Замечательно. Вы когда сможете прийти на собеседование?

— В любое время дня и ночи!

Мой пыл позабавил Вику, и она рассмеялась:

— В любое не нужно, мы до шести работаем. Можете завтра? Скажем, в два часа.

Я сказала, что могу, и спросила, что нужно взять с собой. Мне представлялось, будто собеседование похоже на экзамен в институте. Вика ответила, что ничего не нужно брать, кроме себя самой, и попрощалась.

Я смутно помню день накануне собеседования. Сначала я очень обрадовалась, я просто ликовала, я крепко обнимала пришедшую с работы маму... А потом пришла паника. Я смотрела на себя в зеркало и думала: ну разве могут взять на работу такую маленькую, девятнадцатилетнюю, девочку? Без опыта работы, не по знакомству... Что за глупости?

Утром следующего дня меня по-настоящему трясло. Я напихала в сумку каких-то тетрадок — по редактированию, библиографии, издательскому делу... Моя сумка распухла так, что зонт пришлось нести в руке. Все это было очень глупо, и теперь я улыбаюсь, когда вспоминаю ту свою панику.

На улице был ливень. Я сразу же наступила в лужу и всю дорогу хлюпала правой босоножкой. Ветер вывернул зонт, и мои волосы промокли, спутались и стали очень кудрявыми — они всегда завивались, когда намочили. Я волновалась и сердилась — мне казалось, что я похожа на легкомысленную мокрую курицу.

Вика встретила меня на проходной. Увидев ее, я еще больше расстроилась — у Вики был вид по-настоящему стильной и умной девушки. Черные блестящие волосы чуть ниже плеч, очки, неяркий макияж, элегантное черное платье — если бы я была мужчиной, то я бы впечатлилась.

Ее не портил даже довольно-таки большой живот — Вика тогда была на шестом месяце беременности.

— Привет, Наташа, — кивнула она мне. — Можно на ты?

— Да, конечно.

Мы пошли вверх по лестнице, и все это время Вика объясняла, что мне предстоит.

— Михаил Юрьевич сам поговорит с тобой. Я просмотрела твоё резюме, там все хорошо, поэтому не волнуйся. Просто будь собой.

«Будь собой» — самый сложный совет из всех, который только можно дать. Не так уж просто определить, кто такой этот «ты» и кем именно из этих людей нужно быть.

Я вошла в светлую просторную комнату. Там было много шкафов — нет, я не так сказала — очень-очень много шкафов. Безумно много. И всего два стола. Один из них был в полном порядке, а на другом царил такой бардак, какого я раньше никогда не видела. За этим столом сидела миленькая девочка примерно моего возраста со светлыми волосами.

— Познакомься, — сказала Вика, — это Светочка, секретарь Михаила Юрьевича.

Вид этой Светочки меня немного успокоил. Она представляла собой полную противоположность Вике, такой стильной и умной. Светочка выглядела типичной дурочкой-блондинкой, «секретуткой», как говорила моя мама. Но очень скоро после того, как я начала работать, я поняла, что все совсем не так, как показалось на первый взгляд. Светочка не обладала особым умом, это правда, но я думаю, что больше не встречу такой хорошей секретарши. Поначалу меня удивила ее феноменальная память — она действительно ничего не забывала, помнила расположение документов во всех папках и кто что сказал по телефону. Бардак на ее столе вовсе не был бардаком, — он менялся каждый день, потому что у секретаря очень много текущей работы. А еще у Светочки были прекрасные нервы, замечательное терпение и способность не лезть не в свое дело, когда не просят.

Вика постучалась в смежную комнату.

— Михаил Юрьевич, — сказала она, заглянув внутрь, — Наташа пришла.

За столом сидел человек, которого я так боялась. Я боялась настолько, что не смела взглянуть на него. Настолько, что даже не помню своего первого впечатления о Михаиле Юрьевиче.

Хотя теперь-то я знаю, что бояться мне было нечего.

— Михаил Юрьевич Ломов, — представился он, встав с кресла, и подал мне руку. Я пожалала ее. И тогда впервые посмотрела на этого человека.

У него были совершенно седые волосы, но лицо не было старым. В сочетании с сединой большие темно-карие глаза смотрелись удивительно.

— Здравствуйте, — мой голос вдруг окреп, — меня зовут Наташа.

Как только мы сели, Михаил Юрьевич вдруг сказал:

— Перед вашим приходом, Наташа, я посмотрел трех претенденток на эту должность, которых предложил мне отдел кадров. Они все не годились совершенно. Я хочу, чтобы вы поняли — это не потому, что я зверь, а потому, что мне нужен определенный человек. И я сейчас задам вам несколько вопросов, а вы просто постарайтесь ответить честно, не задумываясь. Сколько вам лет?

— Девятнадцать. Осенью будет двадцать.

Чем больше он говорил, тем больше мне нравился — сам тон голоса, спокойная манера речи, мимика и теплые глаза.

— Почему вы пошли учиться на редактора? Вы ведь учитесь на редактора, верно?

— Верно. Как вам объяснить... — я рассмеялась. — Вся моя жизнь была связана с книгами, я очень любила — и люблю — читать, и родители всегда дарили мне книги... Никогда — что-то другое, только книги. Сначала я хотела стать писателем...

— Так-так, — Михаил Юрьевич рассмеялся.

— Ну вот, а потом я решила, что нужно опыта поднабраться, чтобы стать писателем, но делать книги мне все равно хотелось... — я смущенно улыбнулась, чувствуя себя глупо — я ответила скорее сердцем, нежели мозгами, и мне казалось, что Михаил Юрьевич сейчас скажет: «Деточка, идите-ка в детский сад, вам пока рано на работу».

— Хорошо, я понял, Наташа. Тогда скажите мне, что вы считаете самым важным качеством для редактора?

Это уже было похоже на экзаменационный вопрос. Я даже помнила правильный ответ на него. Но ответила так, как считала сама:

— Воображение.

— Так-так, — Михаил Юрьевич с интересом посмотрел на меня. — Это почему же — воображение?

— Потому что человек без воображения не сможет работать с текстом. Текст не просто нужно читать, его нужно видеть, даже если это сухой учебник — о, с учебником это тем более! — видеть, что нужно сделать, чтобы текст «ожил» на странице, какие добавить иллюстрации, какой добавить справочный аппарат, как это все ляжет на развороте... Человек без воображения не сможет общаться с автором, потому что хороший редактор должен понимать автора и часто даже — быть им... И не так просто понять, что должно получиться из этого текста, ведь в начале это просто текст...

— Не всегда. Иногда просто мысль, задумка, идея, — кивнул Михаил Юрьевич. — Хорошо, спасибо

тебе за ответ. А как тебя учили в институте отвечать на этот вопрос?

Я немного испугалась, но ответила:

— Логика. И эрудиция. Но я не согласна. Конечно, это важно, — да много чего важного в нашей профессии, терпение, например, — но на первое место я бы поставила воображение.

— А тебе не кажется, что человек, обладающий воображением, не всегда может быть логичен?

Я задумалась.

— Я ведь говорила о воображении, а не о легкомысленности, верно? Точно так же можно сказать: «Тебе не кажется, что чересчур логичный человек может быть скучным и зашоренным?»

Михаил Юрьевич рассмеялся. Он взял телефонную трубку и набрал несколько цифр.

— Вика, можешь сходить в отдел кадров и сказать им, что мы нашли мне нового помощника.

В тот миг мне показалось, что у меня над головой кто-то запустил фейерверк.

От воспоминаний о Михаиле Юрьевиче меня отвлекла Светочка. Она громко поставила чашку из-под чая на стол и сказала:

— Господи, выгнали нас восьмого марта на работу только для того, чтобы до двенадцати ждать какого-то нового начальника. Могли бы и завтра на него полюбоваться.

Я кивнула только для того, чтобы поддержать ее. В сущности, мне было безразлично, потому что этот праздник был для меня не «женским днем», а «днем мамы», а мамы у меня больше не было.

Первое время на работе мне было чертовски сложно. Когда я узнала, что мне предстоит делать, то изумилась — почему Михаил Юрьевич взял на работу именно меня? Меня, девочку без малейшего опыта.

Когда на третий день я высказала эту мысль Вике, она рассмеялась:

— Неужели ты еще не поняла? Он взял тебя за твою любовь ко всему этому делу, к книгам. Михаил Юрьевич

сам — фанат издательского дела, и ему нужны такие же фанаты. Кроме того, ты очень искренняя, а ему не хватает искреннего человека в этом змеюшнике.

Что Вика подразумевала под словом «змеюшник», я поняла через пару дней, когда впервые присутствовала на совещании руководящего состава. Несколько человек показались мне вполне нормальными, но в основном все персонажи были крайне неприятными. А главное, они так нападали на Михаила Юрьевича в частности и на редакцию в целом, что я испугалась.

После совещания он вызвал меня к себе. Когда я вошла, то сразу заметила, как Михаил Юрьевич устал и как ему тяжело.

— Знаешь, когда я начал работать, мне только-только исполнился двадцать один год. Немногим больше, чем тебе сейчас, — сказал он, как только я села. — Меня взяли выпускающим редактором, хотя я только что закончил институт и ни дня не проработал по специальности. Больше всего на свете я боялся показать всем, насколько неопытен, боялся, что мой начальник поймет, как он во мне ошибся. Я осознавал, что на мне — огромная ответственность, и так старался не подвести, что однажды услышал, как мой начальник с гордостью говорит кому-то: «Это сделал Михаил, мой лучший редактор».

Я улыбнулась. Михаил Юрьевич серьезно посмотрел на меня и продолжил:

— Ты понимаешь, что я хочу сказать, Наташа? Весьма продолжительное время ты будешь слышать колкие замечания по поводу твоей неопытности. Я тоже сталкивался с недоброжелателями, когда начинал работать. Я просто хочу сказать тебе — не обращай на эту ерунду внимания и просто старайся. Я взял тебя на работу. А я все-таки не уборщица, правильно? Уверяю тебя, я знаю о том, что представляет из себя издательское дело и какие здесь нужны люди, больше, чем весь наш отдел кадров, да и многие из редакторов.

Этот разговор я запомнила на всю жизнь. И потом, когда мне было трудно, а зачастую даже — невыносимо, я говорила себе: «Тебя выбрал Михаил Юрьевич. А он знал, что делает».

Теперь, пять лет спустя, никто не позволял себе оскорбить Наталью Владимировну, личного помощника Михаила Юрьевича. Но до этого времени я прошла долгий путь.

— Смотри, Наташ! — вдруг сказала Светочка. — Приехал этот новый гусь! Ого, какая у него красивая машина... Отсюда не вижу, какой марки...

Я выглянула в окно, тут же представив себе, что в соседних комнатах добрые сотни три человек — начиная от уборщиц, кончая секретарем генерального — тоже так прилипли к окну, и улыбнулась...

Когда погибли мои родители, я неделю была на больничном. Я почти ничего не ела и не пила. Я даже не знаю, насколько похудела, но когда я через неделю надела свои джинсы, они свалились с меня даже после того, как я их застегнула.

На работе на меня смотрели, словно на призрака. Я была благодарна только Светочке — за то, что она не лезла ко мне в душу и вела себя, как обычно, — и Михаилу Юрьевичу.

На второй день он застал меня в слезах на рабочем месте. Было уже восемь часов вечера, и я думала, что он ушел. Так и было, но Михаилу Юрьевичу пришлось вернуться за какими-то документами.

В тот день я впервые заплакала. Я смотрела на экран своего компьютера, а слезы катились из глаз.

И вдруг вошел Михаил Юрьевич. Я попыталась незаметно стереть слезы, выпрямить спину и улыбнуться, но он сразу все заметил.

— Ох, Наташа. Быстро собирайся, я тебя домой отвезу.

Михаил Юрьевич ничего не говорил мне, пока мы не сели в машину. И только когда я очутилась в теплом салоне автомобиля и закрылась стенка, отделяющая нас от шофера, я совершенно неожиданно для себя опять расплакалась.

— Ну-ну, — Михаил Юрьевич обнял меня и привлек к себе, как это делал мой отец. — Я понимаю, как тебе плохо, девочка моя. Моя мама умерла, когда мне было четырнадцать, и иногда мне кажется, что эта боль жива

во мне до сих пор. Я рос с отцом и бабушкой, и каждый раз, когда кто-то из близких людей умирал, мне казалось, что боль умножается.

Я подняла голову и взглянула ему в глаза. Они были такими теплыми и ласковыми...

— Я не знаю, как буду без них, — сказала я тихо.

В тот момент Михаил Юрьевич сделал очень странную вещь. Он поднял руку и вытер слезы с моих щек, а потом наклонился и стал целовать меня. Нежно и легко — в щеки, глаза, лоб... А потом обнял меня крепко-крепко и сказал:

— Ты знаешь, как будешь без них. Ты будешь скучать, девочка моя. Но ты будешь жить дальше и будешь учиться быть мужественной, потому что они по-прежнему рядом с тобой, хоть ты их и не видишь. Зато они видят тебя. И ты будешь стараться — сначала ради них, чтобы они тобой гордились, а потом ради себя самой...

Я помню тот момент так, как будто это было вчера — несколько секунд после сказанного Михаил Юрьевич продолжал смотреть на меня, а потом наклонился и поцеловал меня в губы.

В поцелуях я была неопытна, как только что родившийся младенец — я не целовалась даже в пионерском лагере. И поэтому когда Михаил Юрьевич, такой взрослый мужчина, поцеловал меня, я вначале очень удивилась и только потом начала чувствовать. Губы у него были мягкие и немного мятные. Поцелуй был очень ласковым, но постепенно я, отвечая на него, почувствовала силу в руках Михаила Юрьевича — он обнимал меня и прижимал к сиденью машины...

И вдруг он перестал меня целовать. Я открыла глаза.

— Прости, — сказал Михаил Юрьевич мягко, — я не должен был этого делать. Глупая мужская слабость.

Я смотрела на него во все глаза.

— Я никогда не целовалась...

— Я знаю, девочка моя. Это видно по твоему взгляду, по твоим губам. За этот год я полюбил тебя, как родную дочь. У меня ведь была дочь, и ее тоже звали Наташей. Она умерла через пару недель после своего восемнадцатилетия.

— От чего? — вырвалось у меня.

— От лейкемии. Если бы у меня не было еще сына, которому тогда только исполнилось пятнадцать, я бы сошел с ума, наверное.

Я хотела сказать Михаилу Юрьевичу что-то ободряющее, но не могла — не было слов. А он поднял руку и прикоснулся к моим губам.

— Я буду искренним с тобой. Ничего я не желаю больше, чем сделать тебя своей. Но я все-таки человек, а не свинья, и я слишком люблю тебя для этого.

Михаил Юрьевич взял меня за руку и спросил:

— Простишь?

— Мне не за что прощать, — я улыбнулась. — Вы мне сегодня очень помогли.

В тот момент шофер объявил, что мы приехали к моему дому. Михаил Юрьевич еще раз обнял меня и сказал:

— А теперь иди, отдыхай. Воспитывай в себе умение думать о хорошем. Спокойной ночи, девочка моя.

Когда я вошла в тот вечер домой, на меня вновь навалилась боль от потери родителей, но тем не менее я почувствовала, что мне стало чуточку легче.

После случившегося наши отношения с Михаилом Юрьевичем изменились, но в лучшую сторону — он стал для меня вторым отцом. Я ни капли не сердилась на него за то, что произошло в машине. Как говорила моя мама: «Все люди ошибаются в меру своих способностей». И Михаил Юрьевич удержал себя от главной ошибки.

Через какое-то время по издательству пошел слух, что я — любовница главного редактора. Кто-то услышал, как он ласково назвал меня «моя девочка». Но мне было все равно — те, чьим мнением я дорожила, в это не верили. Светочка сама при мне сказала одной редакторше, что «за грязные намеки можно и уши оторвать».

Итак, новое начальство поднималось по лестнице. Все издательство срочно согнали в наш большой конференц-зал. Там было душно и тесно, и все желающие стоять на двух ногах, а не на одной, наступали друг другу на пятки.

— Где Наталья Владимировна? — услышала я вдруг громогласный голос Ивана Федоровича, нашего техниче-

ского директора. Иван Федорович — начальник над всеми техническими службами издательства — то есть над редакцией, версткой, художниками, дизайнерами, корректорами и производственным отделом — и один из немногих приличных людей среди нашего руководства.

— Я здесь, Иван Федорович! — я даже подпрыгнула — мой маленький рост не позволял ему разглядеть меня в этой дикой толпе.

— Идите сюда, — махнул мне Иван Федорович. Когда я подошла, он сказал:

— Должен же кто-то помочь мне в общении с этим новым главным редактором... Я только знаю, что его зовут Максим Петрович.

— А откуда он?

— Его наш генеральный перетащил из издательства «Ямб».

Я подняла брови. «Ямб» — издательский монстр, выпускающий сорок процентов всей литературы в стране. Издание книг, книжечек и брошюр поставлено там на широкую ногу — то есть, на конвейер. Наша «Радуга» хоть и входила в пятерку крупнейших издательств России, но все-таки по количеству издаваемых книг с «Ямбом» даже рядом не стояла.

— Тише, тише! — вдруг закричал кто-то. Народ постепенно замолкал. И вот, наконец, вошел генеральный вместе с незнакомым мужчиной.

— Прошу любить и жаловать, — сказал генеральный. — Максим Петрович Громов, наш новый главный редактор.

— Здравствуйте, — грянули несколько сотен голосов. Я посмотрела на Громова. Лицо у него было приятное, короткие темно-русые волосы, глаза светлые — то ли серые, то ли голубые. Он улыбнулся, и на одной его щеке появилась ямочка.

Дальше начался какой-то хаос. Говорил сначала генеральный — какой-то бред о наших целях и задачах, — потом заставили выступить Ивана Федоровича, затем болтала Марина Ивановна, директор по маркетингу, и наконец предоставили слово Громову.

К тому времени вид у него был уже немного уставший.